...слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого... (Евр. 4:12-13)

БЛАГОВѢСТНИКЪ

· ИЗДАНИЕ КЛАЙПЕДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЛИТВЕ · №10 НОЯБРЬ 2017г

Жребий святого патриарха Тихона

Во времена царя Фёдора Ивановича в Москве был устроен «высочайший престол патриарший». Но при Петре Первом, на рубеже веков, после смерти патриарха Адриана, выборы нового Святейшего не состоялись.

Местоблюстителем патриаршего престола был назначен рязанский митрополит Стефан Яворский — архиерей, пытавшийся сопротивляться самым радикальным и поспешным реформам первого русского императора. И в 1718 году усилившийся Пётр провёл церковную реформу, по существу, огосударствление Церкви. Вековые традиции, на которых держалась Русь, выкорчёвывались безжалостно. Митрополит Стефан не принимал участия в разработке церковной реформы — и с грустью принял возложенную на него роль президента Синода. Ведь он был противником самой идеи этого учреждения!.. Духовный регламент для Синода сочинял, по большей части, Феофан Прокопович — правая рука Петра в делах церковных.

Больше двух веков в православной империи не было патриарха. И — вот она, ирония истории! — патриаршество удалось восстановить через несколько дней после взятия Зимнего, после Октябрьской революции, которая, как это вскоре стало ясно, превратит атеизм в официальную идеологию России. Более того, появление в политической жизни могущественных атеистических сил помогло сторонникам возрождения патриаршества отстоять свои позиции. Ведь на Соборе громко звучали и голоса против этого решения. Многие (в особенности — профессура духовных академий) опасались, что в Церкви установится единовластие, эдакий абсолютизм. Говорили, что в первые три века существования христианства патриархов не было… Но после 25 октября 1917 все (за редким исключением) осознали, что патриарх Церкви необходим.

Именно тогда прозвучали на Поместном соборе слова епископа Митрофана: «Россия горит, всё гибнет. И разве можно теперь долго рассуждать, что нам нужно орудие для собирания, для объединения Руси? Когда идёт война, нужен единый вождь, без которого воинство идёт вразброд».

Поместный собор (опять-таки — первый с 17 века!) продолжался долго, больше года. С 17 августа 1917 до сентября 1918-го. Всё изменилось в стране за это время. Кульминацией Собора стало избрание Патриарха.

Какой была атмосфера лета и осени 1917 года? Революционный хмель переплетался с ощущением тревоги, депрессии. В Москве власть советов завоевала первенство не бескровно — не то, что в Петрограде. Успенский собор, в котором начинался Собор, был обстрелян. Кремль заняли вооруженные представители новой власти — и Владимирскую икону Божьей Матери пришлось перенести в Храм Христа Спасителя, где продолжались богослужения, где избирали патриарха… Сначала, по запискам, определили кандидатов. Значительно больше голосов, чем другие, получил архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) — 101. За кандидатуру архиепископа Тамбовского Кирилла высказалось 27 человек, за митрополита Московского Тихона — 23, за митрополита Тифлисского Платона — 22, за архиепископа Новгородского Арсения — 14. Но соборное избрание мог показать только жребий. Ни один из соискателей не выказывал властолюбия, не добивался своего избрания. Они — единомышленники — благочестиво устранились от «борьбы».

5 ноября три бумажных жребия запечатали в кожчевце и вынесли на амвон. Соискатели на литургии отсутствовали — чтобы избежать даже тени нездоровых страстей. После особого молебна началась церемония вскрытия ковчежца. Крышку поднял митрополит Киевский Владимир. Он же благословил старца Алексия (Соловьёва) вынуть один из жребиев. Старец достал бумагу и передал владыке. Митрополит Владимир громко зачитал: «Тихон, митрополит Московский. Аксиос!» Всё было сделано для того, чтобы осуществилась воля Божья — так и восприняли это решение верные чада православной Церкви. Делегация во главе с митрополитом Вениамином направилась в Троицкое подворье, чтобы объявить митрополиту Тихону об избрании его патриархом… Ответ владыки известен: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: „Плач, и стон, и горе“ и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль». Так начинался жертвенный подвиг святителя Тихона.

Настолование патриарха состоялось всё-таки в Успенском соборе — в праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября. В столицах уже утвердилась власть советов, которая в те дни еще представляла собой блок большевиков и левых эсеров. Но они сами ещё не верили в то, что пришли «всерьёз и надолго».

Патриарх Тихон принял крест «в минуты роковые». Это был крест патриарха Гермогена. Какой будет Россия? Продолжится ли атака богоборчества? От этих вопросов предстоятель Церкви не мог отмахнуться. Большинство православных не принимало участия в политических баталиях, молясь о победах русского воинства… С лета 1917 в их сердцах царила растерянность. И патриарх попытается пробудить их своими «гермогеновскими» воззваниями. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы… анафемствуем вас, если только вы ещё носите имена христианские, хотя по рождению свое-

му принадлежите к Церкви Православной». Он призывал противостоять гонителям — не оружием, но верой. Первые воззвания Собора и патриарха прозвучали в ноябре и январе 1918-го. Но это были еще не самые кровавые месяцы.

А потом случилась полномасштабная Гражданская война, невиданное ожесточение всевозможных активистов, террор и вспышки бандитизма, голод и погромы храмов. Рискнём высказать предположение: если бы в 1917-м году устояла петровская система государственного и коллегиального управления Церковью — православным труднее было бы отстоять веру в годы богоборчества.

Благодаря решениям Поместного собора 1917-го Церкви удалось установить диалог с государством в 1940-е, 70-е и 80-е, удалось подготовить возрождение последнего двадцатилетия. Всё же есть у сегодняшней юбилейной даты глубокий исторический смысл.

Арсений Замостьянов

http://www.pravmir.ru/zhrebij-svyatogo-patriarxa-tixona/

Заговенье на Рождественский (Филиппов) пост

27 ноября – в день памяти апостола Филиппа – заговенье на Рождественский пост – последний многодневный пост в году. Он начинается 28 ноября по новому стилю и продолжается до 7 января. Рождественский пост установлен для того, чтобы мы ко дню Рождества Христова очистили себя покаянием, молитвою и постом, чтобы с чистыми душой благоговейно встретить явившегося в мир Сына Божия.

Святой Филипп родился в галилейском городе Вифсаиде – на родине святых апостолов Петра и Андрея. Он был настолько усерден в размышлениях о законе и пророках, что презрел все мирские заботы и потому провел всю жизнь, сохранив девство.

Господь наш Иисус Христос вскоре после крещения от Иоанна Предтечи призвал Петра и Андрея следовать за Ним. На следующий день, когда Иисус собирался отправиться в Галилею, Он встретил Филиппа и сказал ему: «Иди за Мною». Филипп тотчас послушался, а затем он пошел и сказал Нафанаилу: «Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета» (Ин. 1: 43, 45). Впоследствии Филипп следовал за Иисусом и верно служил Ему во все время проповеди Учителя. Это он во время прощальной беседы попросил: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас». Христос ответил с грустью: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14: 8–9).

После Вознесения Господа и сошествия Святого Духа на апостолов Филиппу выпало по жребию проповедовать Благую Весть в провинции Асия, то есть в западной части Малой Азии. Вместе с сестрой по плоти Мариамной и апостолом Варфоломеем он прошел всю Лидию и Мисию, возвещая Евангелие, несмотря на многочисленные испытания. Не раз святые ученики терпели от язычников побои, бичевание, заточение, но их радость и упование на Христа не ослабевали, столь велика была сила Господа, пребывавшая в них. Призыванием имени Спасителя исцелялись больные, освобождались бесноватые, и много было тех, кто просил о возрождении в купели нового рождения. Филипп крестил мужчин, а его сестра женщин.

В Иераполе святые апостолы исцелили и привели к вере жену проконсула Асии. Ее обращение вызвало ярость высокого чиновника, и он повелел схватить Филиппа и его спутников. Его проволокли по земле до главной площади города и вместе с апостолом Варфоломеем распяли вниз головой. В это время святой горячо молился такими словами: «Господи Иисусе Христе, Отец веков, Царь света! Ты умудряешь нас Своей мудростью, Ты открываешь нам глубины познания, Ты благодетельствуешь нас Своим благим Промыслом, Ты избавляешь от болезни тех, кто прибегает к Тебе. Приди, Господи, увенчай меня пред лицом народа победным венцом. Пусть враг не сможет обвинить меня пред Тобой, Истинным Судией. Одень меня в Свое светозарное одеяние и запечатлей меня Твоей славной печатью. Удостой меня встречи с Тобой на Небесах. Преобрази мое тело и уподобь его образу Твоей славы. И даруй мне отдохновение в славе Твоего блаженства, позволив мне войти туда, как Ты обещал святым Твоим, во веки веков. Аминь».

Когда святой окончил молитву, земля внезапно разверзлась и поглотила множество язычников, их жрецов и самого проконсула. Нечестивые, устрашившись, бросились к Варфоломею и Мариамне, которые были еще живы. Они сняли их с креста и попросили принять в Святую Христову Церковь. После достойного погребения тела святого Филиппа Варфоломей и Мариамна поставили епископом Иераполя Стахия, которого апостол Филипп исцелил от слепоты. Затем они продолжили проповедь: один – в Индии, другая – в Ликаонии. После этого Мариамна отправилась на Иордан, где отошла ко Господу, согласно предсказанию апостола Филиппа.

http://www.pravoslavie.ru/put/print57729.htm

ТИХОЕ МУЖЕСТВО ПАТРИАРХА ТИХОНА

Он не был богословом и не обладал харизмой общественного деятеля, подобно другому претенденту на патриаршее место митрополиту Антонию (Храповицкому).

Он не был талантливым администратором и ловким политиком, как его преемник по управлению Русской Церковью митрополит Сергий (Страгородский).

Не был он и бескомпромиссным, бесстрашным исповедником своих убеждений, каким явился назначенный им первый местоблюститель Патриаршего престола, кремень мужествасвятитель Кирилл Казанский.

Он не был, наконец, даже отрешенным подвижником-аскетом, каким хотели бы его видеть некоторые люди (например, глава «даниловской оппозиции» Патриарху епископ Феодор (Поздеевский)).

Но верующий народ любил и почитал его как никакого другого иерарха, как ни одного из последующих патриархов Русской Православной Церкви.

Так в чем же тайна неотразимого обаяния его личности и ее влияния на потомков?

Патриарх Тихон, безусловно, фигура «узловая» для всей новейшей истории Русской Церкви. К ней сходятся и от нее расходятся самые разные пути, выбранные иерархами и простыми верующими. Митрополит Сергий (Страгородский) в своей – для одних печально известной, а другими одобряемой – Декларации 1927 года будет позиционировать себя как продолжателя церковно-политического курса патриарха Тихона. На него же будут ссылаться и оппозиционные Сергию иерархи, обвиняя последнего в отступничестве от «тихоновской» линии поведения. В эмиграции те, кто поддерживал Церковь в Советском Союзе, называли ее «Патриаршей». Новомученики и исповедники Российские были счастливы, что причастны к святителю Тихону (так, архимандрит Серафим (Тяпочкин) с гордостью цитировал свое… следственное дело, где он был охарактеризован как «поп-тихоновец»).

Первый патриарх после более чем 200-летнего перерыва, святитель Тихон стал не церковным политиком, а отцом для своей паствы. Именно такого предстоятеля ждала Русская Церковь в эпоху крушения всего прежнего церковно-государственного строя.

Тем не менее, далеко не все современники – причем самых разных убеждений – сразу и по достоинству оценивали поведение и облик Святейшего. «Безвольная, мягкая личность, никогда не пользовавшаяся никаким авторитетом. Он никогда не был известен как выдающийся оратор… Вообще он совершенно случайный человек», – писал обновленческий «митрополит» Введенский[1]. «Всё хи-хи да ха-ха, и гладит кота», – передавал свое впечатление от Патриарха епископ Феодор (Поздеевский).

Святейший Тихон, действительно, совсем не производил впечатления величественного иерарха, блестящего «князя» Церкви. Он был прост, доступен, любил пошутить и мог скрасить юмором даже самую нелепую и трагичную ситуацию. В 1920-е годы над дверью его кабинета в Донском монастыре висела табличка: «По вопросам контрреволюции не беспокоить».

Но множество людей каким-то шестым чувством улавливали за этим легким характером, за этой шутливостью глубокую внутреннюю жизнь. От Патриарха уходили умиленными и просветленными. Даже красноармейцам, охранявшим Тихона во время его домашнего ареста, приходилось бороться с симпатией к своему «классовому врагу». «Неплохой дед, только вот всё молится по ночам, спать не дает», – вспоминал один из них.

А фото Святейшего доносят до нас то, что, быть может, не в полной мере ощущалось современниками при личном общении, – трагизм и роковую печать на лице…

***

В эпоху тотального господства и противоборства идеологий этот человек умудрялся быть абсолютно вне всякой идеологии. Его фигура ускользает от любых ярлыков, а может быть – наоборот, причудливо собрала их все.

Так, для синодальных чиновников предреволюционного десятилетия владыка Тихон был, пожалуй, «либералом». Еще бы – этот епископ из диковинной Америки привез с собой в Ярославскую епархию демократический стиль управления и общения с подведомственным ему духовенством. Сам ездил по приходам, вникал в нужды духовенства. Ему всегда было близко «белое» священство, из среды которого он вышел и потому хорошо понимал его нужды. В этом митрополит Тихон был так похож на своего небесного покровителя – святителя Тихона Задонского («судьбы скрещенья»: обоим в годы семинарской юности товарищи дали клички – «владыка» и «патриарх» – и в шутку «кадили», как архиерею…).

Такой стиль общения с подчиненными он сохранит и на патриаршем посту. Когда в 1923 году Святейший уже готов был благословить переход Церкви на григорианский календарь, о чем известил в своем послании[2], к нему пришел будущий священномученик Сергий Мечёв: «Ваше Святейшество, не считайте меня бунтовщиком, но переходить на новый стиль нельзя!» Патриарх лишь с улыбкой заметил: «Сережа, какой же ты бунтовщик? Я тебя знаю…» В результате дальнейших размышлений Патриарха и протестов духовенства переход на «новый стиль» был отменен… Это было действительно отеческое отношение к собратьям. Святитель Тихон прислушивался к мнению церковного народа и корректировал свои решения.

В то же время для реформаторски настроенных церковных деятелей патриарх Тихон был неисправимым консерватором. С начала XX века (а точнее – с 1905 года, даты инициированных К.П. Победоносцевым «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»), когда в стране уже слышится грозная «музыка революции», вся Церковь бурлит идеями богослужебных реформ, изменений в каноническом и административном строе – по-разному понимаемых. А митрополит Тихон идет средним, очень «сбалансированным» путем. Он вообще не был «человеком идеи». Был пастырем. И, подобно Кутузову, каким его представил Л.Н. Толстой в романе «Во-

йна и мир», предпочитал в отношениях с подчиненными ничему хорошему не препятствовать, от всего дурного оберегать.

Победа же большевиков и спешное сколачивание усилиями ОГПУ «красной Церкви» в лице обновленцев заставит святителя Тихона наложить вето на всякие попытки скороспелых (вызванных отнюдь не заботой о пользе паствы) реформ. На этой, безусловно, необходимой в тот момент осторожности Патриарха вовсю спекулировали лидеры обновленцев, морально сбрасывая за борт «корабля современности» ненавистную им «тихоновщину»…

***

Среди претендентов на Патриарший престол святитель Тихон был не только «самым добрым» (в отличие от «самого умного» Антония (Храповицкого) и «самого строгого» Арсения (Стадницкого)), но и вообще «самым человечным». Его человечность побеждала всякие границы, открывала сердца друзей и оппонентов, а порой – шла наперекор, казалось бы, очевидно необходимым политическим ходам.

Попав в 1914 году на Ярославскую кафедру в результате «рокировки» с митрополитом Агафангелом (Преображенским), который вместо него отправился в Америку, владыка Тихон сохранил с ним самые добрые отношения – настолько, что впоследствии, будучи патриархом, сделал его одним из своих местоблюстителей.

Назначенный Московским митрополитом, владыка Тихон едет выразить свое почтение и любовь отправленному на покой святителю Макарию (Невскому), который в столичных церковных кругах того времени, пожалуй, имел репутацию «отсталого» (к тому же уже недееспособного) и как раз противопоставлялся живому, активному Тихону.

Узнав о страшной расправе над Царской Семьей в 1918 году, Патриарх велит служить панихиды по Государю Николаю именно как по убиенному царю. Несмотря на то, что тот сам отрекся от престола; несмотря на то, что в обстановке большевистского террора это было опасно лично для Патриарха; несмотря, наконец, на то, что царское правительство, по трагической иронии истории, было тем тормозом, который не давал самому Тихону (и кому бы то ни было еще) занять Патриарший престол, пустовавший два с лишним столетия…

В 1918 году патриарх Тихон отказался передать даже устное благословение Белому движению, хотя его просили об этом некоторые участники Поместного Собора и хотя сам он в это время одно за другим выпускает грозные послания, обращенные к победившей власти, – с анафемой всем, кто, всё еще нося христианские имена, творит убийства, террор и беззаконие. Один Бог знает, чего этот отказ ему по-человечески стоил. Но «Церковь должна быть вне политики» – а значит, личные интересы, надежды, политические предпочтения отставляются в сторону.

Святитель Тихон «антисоветские» послания публиковал сам, в перерывах между сессиями Поместного Собора, показывая тем самым, что всю ответственность за эти воззвания он несет единолично. Когда же в 1920-х годах Патриарх пошел на уступки, выступая уже в совершенно другом тоне, он, опять же, говорил только от своего лица: «Я советской власти не враг». Таким образом, эта неизбежная цена за полулегальное существование церковной организации не ложилась тяжким бременем на совесть верующих.

Ради защиты своего духовенства от репрессий Патриарх был готов даже пойти на уступки обновленцам, извергнувшим его на своем «соборе» из сана и монашества (!), и ввести в Синод протопресвитера Красницкого. Но он отказался от этого намерения, убежденный аргументами митрополита Кирилла (Смирнова), который заверил Святейшего, что «мир» с большевиками не стоит такой цены и что архиереи теперь только и годны для тюрем… Святитель Тихон демонстрировал редкостное для России явление – «слушающую» власть, а точнее – слушающее пастырство. Думается, что это было «слушание» не только различных и противоречивых человеческих голосов, но за всем этим – прислушивание к путям Промысла Божия, к Его тайному водительству.

Внутреннее напряженное слушание, поиск, порой ошибки и возвращения на дорогу были движимы чувством ответственности за Церковь, за паству, за страну. Ее ощущали те, кто соприкасались с Патриархом. И за нее прощали Святейшему всё.

Ему прощали заявления о лояльности к советской власти и о том, что его «антисоветские» воззвания 1918–1919 годов были результатом влияния «монархического окружения».

Ему прощали колебания и нерешительность. Потому что знали: здесь не политическое лавирование, а муки совести, распятой на невидимом кресте.

Эти муки, в конце концов, и привели патриарха Тихона к реальной, физической и мученической смерти. В апреле 1925 года он слег в Бакунинскую больницу с сердцем. Все дни, что он там находился и так нуждался в покое, его «штурмовал» советский «обер-прокурор» по делам Церкви Е.А. Тучков, который отнюдь не был похож на верующего Победоносцева… Он требовал патриаршей подписи под очередной, более чем лояльной к советской власти «декларацией», составленной в ГПУ. Митрополит Петр (Полянский) возил этот документ от Тучкова к Патриарху и обратно: стороны никак не могли прийти к согласию…

И тогда Патриарх ушел. «С помощью» или «без помощи» ГПУ – это теперь уже не так важно. Он знал свой час и уходил сознательно – теперь уже широко известны подробности этого последнего дня жизни Святителя. Умываясь перед сном, сказал келейнику: «Ночь будет длинной, темной-темной…» Всё время переспрашивал, который час. И в полночь начал истово и широко креститься. В третий раз успел лишь занести руку для крестного знамения…

А потом была та самая, увиденная им на пороге смерти ночь. Темная и длинная. Были мученики и исповедники, лагеря, тюрьмы и вышки с автоматчиками, были компромиссы иерархии с властью и с совестью, затем – легализация православного «гетто» в Стране Советов, затем новые гонения и «застойные» годы, когда Русская Церковь была похожа на птицу в золотой клетке… И вот наконец – рассвет ли? «Сторож, сколько ночи?» (Ис. 21: 11).

***

На склоне лет, во время Неронова гонения, апостол Петр удалялся из Рима, убежденный мудрыми и трезвыми советами римских христиан: основатель Поместной Церкви нужен ей живым… На дороге он встретил Христа. «Quo vadis, Domine?»: «Куда идешь, Господи?» – «В Рим, на второе распятие, раз ты отказался от него…»

Как и апостол Петр, Святейший Патриарх Тихон колебался, мучился сомнениями, порой отступал от собственной позиции. Но и благодаря этому тоже его образ нам дорог. Преодолевая свои немощи и постоянно прислушиваясь к жившей в нем Благодати, святитель Тихон взошел на свою Голгофу, откуда прозрел будущие страдания Русской Церкви – страдания, которые он собрал в своем сердце и символом которых стал для потомков.

Размышляя об этом и ища для себя ответ, как теперь жить христианину в современном мире, вспоминаешь негромкое, не демонстрирующее себя, тихое мужество патриарха Тихона. Мужество человека, прекрасно сознающего свои слабости, но уповающего на неуловимое дыхание и руководство Духа. То самое, которое, когда ему дают простор в сердце человеческом, называется святостью.

Георгий Великанов

http://www.pravoslavie.ru/86600.html

Богослужение на литовском языке в часовне Св. Елевферия г. Кретинга

21 октября в часовне Св. Елевферия (Šv. Eleuterijaus koplyčia, Dupulčių skg. 5, Kretinga) состоялась Божественная литургия на литовском языке. Службу совершил клирик Клайпедского храма свв. Веры, Надежды, Любви и Софии протоиерей Петр Олехнович.

С наступающими зимними холодами – с ноября 2017 г. до апреля 2018 г. – в часовне планируют служить молебны и панихиды на литовском языке. Следующее Богослужение состоится 18 ноября в 9.00.

В часовню св. Елевферия приезжают молиться прихожане православных храмов Клайпедского благочиния из Клайпеды, Паланги и Кретинги. Для многих из них литовский язык является родным.

Юбилейные мероприятия

28 декабря 1947 года впервые состоялась Божественная литургия в храме Всех русских святых, который до середины 90-х годов прошлого века оставался единственным православным храмом нашего города.

В честь 70-летнего юбилея пройдут торжественные мероприятия:

27 декабря с. г. состоится Международная научно-практическая конференция «Рублевские чтения» На конференции выступят видные ученые из Литвы, России, Хорватии, Германии и др. стран.

28 декабря в храме Всех русских святых будет отслужена праздничная Божественная литургия, которую возглавит митрополит Виленский и Литовский Иннокентий.

28 декабря состоится концерт церковных хоров.

Время и место проведения концерта и конференции будут уточняться.

Информация по телефону: + 370 (655) 33 036

Престольный праздник в день Покрова Пресвятой Богородицы

14 октября Покрово-Никольский храм Клайпеды отметил престольный праздник —Покров Пресвятой Богородицы.

В праздничный день в храме был совершен водосвятный молебен, после чего совершена Божественная литургия. Богослужение возглавил благочинный Клайпедского округа протоиерей Владимир Артамонов в сослужении с настоятелем храма протоиереем Григорием Негурицей, клиром храма и гостем из Вильнюса — протоиереем Владимиром Ринкевичем.

Разделить радостное настроение праздника собралось большое число прихожан храма, а также гостей других приходов. После литургии все были приглашены на торжественную трапезу.

Международная конференция «Православная святость на Литовской земле»

6-7 октября в Вильнюсе состоялась II Международная научно-практическая конференция «Православная святость на литовской земле», ставшая представительным форумом, посвященным изучению темы исповедничества и мученичества в истории русской православной святости XX века. Мероприятие координировал Институт православного образования и воспитания Виленско-Литовской епархии.

На конференции прозвучали доклады ученых из России, Венгрии, Латвии и Литвы, в ней приняли участие представители духовенства, творческой интеллигенции, преподаватели воскресных и общеобразовательных школ.

Делегацию Клайпедских учителей религии и воскресных школ возглавил благочинный Клайпедского округа протоиерей Владимир Артамонов. С докладом «Православные мученики в истории Литвы» на конференции выступил доктор философских наук, учитель-эксперт Клайпедской гимназии «Айтваро» Андрей Фомин.

Открытие детской воскресной школы Покрово-Никольского храма

1 октября состоялось праздничное открытие нового учебного года в воскресной школе Покрово-Никольского храма.

Более 50 человек собрались посмотреть представление «О пользе учения» про царевну Несмеяну, которая не хотела учиться и доставляла заботы своему отцу, но в конце поняла, что без учёбы не станешь настоящей царевной. Маленькие зрители помогли Несмеяне, ответили на школьные вопросы и вместе с героями отправились в страну знаний.

В спектакле участвовали дети Воскресной школы, театральной студии «Золотой ключик» и ансамбля «Карусель» из прогимназии «Паюрё», который украсил постановку своими танцевальными номерами (режиссёр Валерия Новикова, хореограф Елена Борцова). Настоятель храма отец Григорий пригласил детей посещать храм, занятия, участвовать в поездках. В конце праздника гостей ждал сладкий сюрприз.

В этом году Воскресная школа Покрово-Никольского храма отмечает своё 10-летие, которое намечается провести 26 ноября.

«От Мемеля до Клайпеды»

15 октября дети и родители воскресной школы православного храма Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии совершили экскурсию по старому городу «От Мемеля до Клайпеды». Экскурсию вела учитель-методист искусства прогимназии «Сантарвес», профессиональный экскурсовод Марина Валерьевна Мотеяускене.

Начав с раздвижного мостика Замка (Pilies tiltas) дети совершили увлекательную прогулку по старой Клайпеде. Радость познания родного города дополнил солнечный теплый день, первый после продолжительных дождей.

Во время прогулки, дети узнали, как появился самый древний в Литве город, чем жили и занимались его жители, что означают его названия Клайпеда и Мемель. Интересные вопросы от экскурсовода получали не только ученики воскресной школы, но и родители, всегда активно участвующие в занятиях своих чад.

Любознательные ребята увидели, как работает раздвижной мостик, где раньше протекала река Данес, познакомились с разнообразными скульптурами, украшающими старую Клайпеду. Самым необычным моментом экскурсии была встреча с шарманщиком. Некоторым ребятам даже удалось поиграть на шарманке!

Ребята и родители сердечно благодарят Марину Валерьевну за занимательную экскурсию и надеются и дальше узнавать о своем любимом городе Клайпеда.

Расписание занятий для детей и взрослых в Просветительском Центре имени святого Андрея Рублева (ул. Дебрецено, 48)

предмет	время	преподаватель
Катехизаторские курсы для взрослых	Четверг 18.00-19.30	Р. Чаплинский
Художественная студия для детей 6 -12 лет	Суббота 15.30-17.00	М. Артамонова
Английский язык для самых маленьких	Понедельник, среда 17.00-18.00	А. Горбунова

В Центре также действует библиотека христианской литературы.
Информация: Юлия Евгеньевна Патрова, тел. + 370 682 91939.

Памяти Преподобного Сергия Радонежского

8 октября, в день преставления преп. Сергия Радонежского в помещении воскресной школы храма Всех русских святых состоялось викторина памяти Преподобного Сергия Радонежского, объединившая учащихся и педагогов воскресных школ православных храмов Клайпеды.

Ребята из воскресных школ вместе молились на Божественной литургии в храме Всех русских святых, а затем приняли участие в игре-викторине, посвященной Преподобному Сергию Радонежскому. С приветственным словом и пастырским благословением к учащимся, родителям и учителям обратился благочинный Клайпедского округа протоиерей Владимир Артамонов.

Во время викторины ребята разбились на 4 команды: «Янтарики» и «Благовест» (храм Мучениц), «Покровские ребята» (Покрово-Никольский храм) и «Маяк» (храм Всех русских святых). Все дружно и воодушевленно отвечали на вопросы блицтурнира, вспомнили главные моменты из жития святого, рассуждали и выполняли творческие задания. Компетентное жюри, в составе преподавателей Черных Татьяны и Островерх Людмилы, внимательно подсчитав баллы, пришло к выводам, что ученики не только хорошо справились с заданиями, но и проявили те качества, о которых радел святой Сергий Радонежский.

В завершение викторины, все собравшиеся получили праздничные подарки, грамоты и были приглашены на трапезу.

Мероприятие было организовано руководителем методического объединения учителей религии и воскресных школ, заведующей воскресной школы храма Всех русских святых Н. В. Дьяковой. Организаторы выражают благодарность педагогам, откликнувшимся на приглашение: А.В. Фомину, О. В. Руткус, Ж.В. Хекало, Л. Ю. Островерх, Л. А. Акулович, Т.В. Черных, Е. Фокиной.

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ БЛАГОЧИНИЯ

Состоялось открытие клуба «Светлица»

6 октября, в приходском доме Покрово-Никольского храма после летних каникул возобновил работу клуб общения для взрослых «Светлица».

Клуб был открыт в 2013 году с целью предоставить всем интересующимся возможность в дружеской неформальной обстановке пообщаться на духовные темы. С момента открытия встречи проводил священник Александр Оринка. С конца 2014 года их проводит диакон Константин Томан.

Темы для встреч выбираются сообща. В этом году главный акцент сделан на разъяснении значения Богослужений. Октябрьские встречи были посвящены устройству православного храма.

20 октября в Клубе состоялся видеопросмотр беседы протоиерея Дмитрия Смирнова с протоиереем Ильей Шапиро на тему «Духовное наследие протоиерея Понтия Рупышева» (ТК Спас, 10.12.2016 г.). Беседа о духоносном пастыре и его подвиге на Литовской земле не оставила никого равнодушным.

Настоятель храма протоиерей Григорий Негурица подарил интересующимся посетителям Клуба двухтомники дневников и записей протоиерея Понтия Рупышева.

Встречи в Клубе проходят по пятницам с 11.00 по 13.00 в приходском доме Покрово-Никольского храма.

Приглашаются все желающие!

Контактная информация: диакон Константин Томан — тел. +370 637 47377

Барьер памяти

Церковь святых Виленских мучеников, фотография из архива храма, предположительно сделана 1952 году.

Публикуем фрагмент повести «Барьер памяти» из книги Л. Обуховой «Целый день с восходом и закатом» (М.,1989 г.)

Лидия Алексеевна Обухова часть своей жизни провела в Таураге: сюда она как дочь пограничника в 1941 году была помещена немецкими оккупантами в концентрационный лагерь в этом городе и провела всю войну.

Храм 1952 «… На окраине Таураге впритык к кладбищу до сих пор стоит и церковушка под тусклой маковкой, воздвигнутая когда-то в память о мучениках Антонии, Иоанне и Евстафии. Ноги сами несли к скромному особнячку рядом с церковью. Я ведь бывала уже в нем тогда, в сорок первом. После тревог и тесноты «красного дома»* какой умиротворенной обителью представилась комната с обеденным столом, комодом и книжным шкафом. (Я пришла тогда попросить у хозяев несколько русских книг: где было еще их взять в ту пору? А не читать не могла …). Я постучала в дверь и, не дождавшись ответа, вошла. В первой комнате за накрытым столом обедали двое мужчин средних лет. Один из них поспешно встал, повел рукой в сторону:

— Папа там.

Мы встретились и обнялись на пороге.

— Здравствуйте, Иван Осипович! Здравствуйте, батюшка!

Он был в штатском, с подстриженной черно-седой бородкой. Удивительно моложавый и узнаваемый!

В июле сорок первого, когда город гудел от солдатского топота и будто в нескончаемом пожаре полыхали на всех углах кроваво-черные фашистские полотнища, какой хрупкой скорлупкой казалась церковка посреди бушующего враждебного океана! Но что бы ни творилось снаружи, за ее стенами, внутри маленького храма, тонкий и стройный в своей черной рясе, совсем еще молодой тогда отец Иоанн бесстрашно возглашал с амвона:

— Помолимся за Богом хранимую страну нашу! За ее вождей, за ее воинство!

Командирские жены, безбожницы, «советки», плакали благодарными слезами. Нет, нас нельзя уж переделать! Без родины мы тыщу дней прожили вне ее пределов и рвемся к ней, все только к ней.

В самые жестокие времена священник Иоанн Семенов оставался истинным патриотом. Многих он утешил и ободрил, многим бездомным и бесприютным они с матушкой Валентиной – тоже молоденькой и очень миловидной в ту пору – помогали хлебом, одеждой, давали пристанище или способствовали бегству из города. Назову только две фамилии местных активистов, которым помогла эта семья, — Кондратенко и Погуда. А ведь Семеновы рисковали жизнью, у них самих были крошечные дети …

Отправил Иван Осипович обратно, не заполняя, и листки из гестапо, требующие рекомендовать прихожан на полицейскую службу. Поступок почти самоубийственный по тем временам!

Как ни мал казался, отпущенный нам час, кое-что из прошлого Ивана Осиповича я все-таки успела узнать. Загадка его личности подспудно продолжала занимать меня все эти сорок лет: он не из тех людей, которые забываются!

Семенов родился в Каунасе, в семье железнодорожного служащего. Смолоду намеревался петь, мечтал о славе оперного певца. Голос у него действительно был прекрасный – звучный, глубокий. Но, как это часто случается, жизнь распорядилась по-своему. Воспитанный в религиозной семье, он поступил на ускоренный курс духовной академии, был в выпуске первым по прилежанию и успехам, перед принятием сана венчался с сиротой, бесприданницей («Моей первой и единственной любовью», сказал он о покойной жене), и, таким образом, стезя была определена до конца дней.

Шофер Гедиминас погудел у калитки. Мы распрощались – как знать, на сколько лет вперед? …

* Автор упоминает в тексте повести «красный дом». Это здание из красного кирпича по улице Т. Вайжганто в Таураге, в котором во время войны фашисты устроили мини-концлагерь для членов семей военнослужащих Красной Армии. (Евгений Терентьев).

Лидия Обухова

http://taurage.cerkov.ru/2015/04/27/barer-pamyati/

Непрозвучавший реквием Павла Корина. История великой картины, которая так и не была написана

Двадцать семь лет в мастерской художника Павла Дмитриевича Корина стоял громадный, подготовленный к работе холст. Все это время Корин надеялся начать писать главную картину своей жизни — «Реквием». В итоге так и не сделал на полотне не единого штриха. Чистый холст Павла Корина органично приобрел в современном искусстве самостоятельный статус. Он экспонируется на выставках наряду с законченными работами художника, сегодняшние критики снова и снова пытаются осмыслить значение этой ненаписанной картины: это и «икона гигантского света», и антитеза «Черному квадрату» Малевича. Для самого Корина чистый холст — саднящая рана, вечный укор самому себе: «Я не сделал того, что мог сделать».

Тема ненаписанной картины зародилась у Корина еще в 1925 году, во время похорон патриарха Тихона в Донском монастыре. На похоронах были сотни тысяч людей. Прощание с патриархом было открытое. Несмотря на опасность преследований, в течение пяти суток ни на минуту не прекращался людской поток ко гробу. Каждый тогда, начиная от архиереев и кончая нищими старушонками и юродивыми, задавал себе вопрос: каково будет теперь положение Церкви? Казалось, вместе с патриархом безвозвратно уходила прежняя старая эпоха. Наступило время блоковских красноармейцев с их исторической миссией: «Пальнем-ка пулей в святую Русь» — время массового мученичества за веру.

Корин был на похоронах вместе со своим другом и наставником Михаилом Нестеровым. Была велика вероятность того, что такого прощания в новой России они больше никогда не увидят. Именно тогда Корин почувствовал, что должен запечатлеть родной для него мир Церкви, прощание не только с патриархом, но и со старой, дореволюционной Россией. Ему важно было не только художественно отразить реальные события, но и постичь, что за ними стоит. Позже Нестеров напишет о коринских этюдах к картине: «Корин отразил революцию».

Слушая в колонном зале «Реквием» Берлиоза, Корин сделает пометку в записной книжке: «Какое величие! Вот так бы написать картину. “День гнева”, день суда, который превратит мир в пепел».

Последний парад

Павел Корин родом из Палеха, из старинного рода потомственных иконописцев. Он и сам окончил иконописную школу, работал в иконописных мастерских, помогал Нестерову расписывать церковь Марфо-Мариинской обители. Уговорить церковных иерархов, которых Корин видел на похоронах патриарха Тихона, позировать для картины, казалось делом невозможным. Помог Михаил Нестеров, он уговорил своего духовника, митрополита Трифона, дать Корину несколько сеансов позирования. Митрополит Трифон, в миру князь Туркестанов, был близок к кругу оптинских старцев — преподобных Амвросия и Варсонофия Оптинских. Он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Во время Первой мировой войны служил полковым священником на фронте, потерял зрение на одном глазу. Его называли «московским Златоустом» — был он замечательным проповедником, а еще «кухаркиным архиереем» — за то, что любил служить ранние литургии для рабочего люда.

П. Корин. Протоиерей Сергий Успенский-младший. 1931 г.

Митрополита Павел Корин изображает в пламенеющем красном пасхальном облачении. В своем молитвенном горении, кажется, он прозревает то, что ожидает Россию впереди, что ожидает этого нового советского человека, который больше не нуждается в христианской морали.

С негласного благословения владыки Трифона православная Москва начинает позировать Корину для картины. После долгих поисков он уходит от первоначальной идеи писать похороны патриарха. «Церковь выходит на последний парад» — таков окончательный замысел художника. Он начинает писать этюды архимандритов и митрополитов, нищих, схимниц, юродивых.

В 1929 году Корин пишет этюд протоиерея Сергия Успенского, потомственного православного священника, благочинного Москвы. На портрете — человек со смиренным, печальным лицом двумя руками держит перед собой крест. Внутренним взором он видит свой крестный путь впереди. Его неоднократно арестовывали, последний раз в 1922 году приговорили к десяти годам тюрьмы. Освободили условно, «за преклонностью лет». Племянника отца Сергия, протоиерея Сергея Михайловича Успенского (младшего) расстреляли на полигоне в Бутове в 1937 году. Его Корин тоже запечатлел для картины — сжатые сомкнутые руки, прямая осанка, готовность с достоинством предстать перед смертью. Один из высоких посетителей мастерской Корина заметил: «Ваши герои имеют осанку ту, которая была свойственна людям эпохи Возрождения, ваши и митрополит, и монахи, и нищие, и слепые — все проходят под фанфары». Портрет Успенского (младшего) был написан в 1931 году. Корин удивительно прозрел и почувствовал судьбу и внутренний облик этого человека — портрет словно написан не за шесть лет до смерти, а в момент расстрела.

В живописи огромную роль играет тон картины, он является частью содержания, частью самого действия. Тревожно горение красного цвета на фоне доминирующего темного тона этюда схимника отца Агафона. В траурном сочетании красного и черного — предчувствие трагедии: отца Агафона в середине 1930-х арестовали вместе с другими монахами Высоко-Петровского монастыря, в 1938 году он скончался в тюремном лазарете.

Павел Дмитриевич сам определил настроение задуманной картины: «Удары колокола. Мрачно, безнадежно». Многие представители духовенства из тех, кого рисовал Корин в тридцатые годы, вско-

Павел Корин. Эскиз "Реквием" к картине "Русь уходящая", 1935-1959 гг.

ре будут расстреляны. В 2000 году Церковь причислит их к лику новомучеников.

Несмотря на задуманный трагический пафос картины, Корин не стремился к идеализации. Один из посетителей его мастерской, посмотрев этюды «Реквиема», сказал: «Павел Дмитриевич, вы картину пишете на руку большевикам». «Я, братец мой, — ответил художник, — миленьких, чистеньких, с закатившимися глазами не писал и писать не буду. Я пишу правду». Были те, кто видел в коринских персонажах религиозных фанатиков, выпавших из новой жизни. Но сам Корин знал другую правду: «Писал я людей большой веры и убеждений, а не фанатиков». По сути то, что он делал, никак не укладывалось в рамки той эпохи. Советское искусство создавало образ человека-победителя, вдохновенного строителя новой жизни.

В 1931 году Корин пишет этюд «Отец и сын». На его портрете — крепкие, богатырской стати русские люди, но лица скорбные, задумчивые, глаза опущены. С началом революции жизнь народа повернула в другое русло, трудно давался многим этот поворот.

Церковная Москва того времени была переполнена разного вида юродивыми, странниками в лохмотьях. Среди всей этой «христовой братии» Корин искал образ, нужный для картины. Нищего он нашел на паперти Дорогомиловского Богоявленского собора. Грязный, с парализованными ногами, спутанные волосы кишели вшами. Корин притащил его в мастерскую и писал три дня. На картине нищий калека, словно корявый, мшистый пень, раскинул непомерно большие руки. Этими руками он будет держаться за жизнь, какой бы горькой она ни была. Человек физически искалеченный, он не сдается. У него, как и у остальных героев картины, есть внутренняя осанка.

Среди персонажей коринского «Реквиема» советские искусствоведы особо выделяли образ слепого.

По горьковской путевке

О коринских этюдах по Москве пошли слухи, о них заговорили. Нестеров очень поддерживал общий замысел картины. Но настоящую путевку в жизнь дал картине Максим Горький. 3 сентября 1931 года — Корин отметил эту дату в своем дневнике. В этот день Горький с большой компанией неожиданно посетил его мастерскую. После его визита Корин записал: «Он подошел ко мне, крепко пожал руку и сказал: "Вы большой художник, Вам есть, что сказать". И начал широко и мощно помогать мне. Горький дал мне возможность побывать в Германии, Франции, Англии и Италии». Горький действительно организовал для Корина поездки за границу, дал возможность учиться на шедеврах европейской живописи, выхлопотал для художника большую мастерскую на Пироговской. Опять же, Горький предложил изменить первоначальное название задуманной картины «Реквием» на «Уходящую Русь», тем самым оградив Корина от возможных осложнений. Ведь в те годы многим казалось, что Корин в своих этюдах проповедует любовь к старой России и непонимание России новой. Почему же пролетарский писатель взял Корина под свое покровительство? Сам Корин уже после смерти Горького даст свою версию ответа, когда напишет о героях своей картины: «Люди эти — люди большой совести и большого духа, можно с ними не соглашаться, но в уважении им нельзя отказать. Горький был со мной согласен». Возможно, и так. Впрочем, нельзя исключать, что Горький видел в картине прежде всего обреченность дореволюционной России. Не случайно название, которое он дал работе Корина, наметило путь, по которому пойдет позднее советское искусствоведение — восхваление картины как антирелигиозной пропаганды: «Это был мир, который еще недавно владел сердцами миллионов русских людей, а ныне раздавленный, отброшенный революцией, агонизировал в предсмертных судорогах, отчаянно сопротивляясь новому… Они уходят из истории. Навсегда. Тени!» — писал о коринских героях С. Разгонов в 1982 году.

После посещения Горького Корин стал известен в правительственных кругах. В его мастерскую заходили бывший нарком просвещения Луначарский, нарком внутренних дел Ягода. Последний даже заказал Корину свой портрет.

Мешок на случай ареста

К 1936 году большинство этюдов к картине было готово. К этому времени Корин работает над эскизами «Уходящей Руси». Для картины в мастерской приготовили громадный холст (размером 551 на 941 сантиметр, больше ивановского полотна «Явление Христа народу»). На фоне холста Павел Дмитриевич иногда расставлял свои этюды, прикидывая композицию «Руси Уходящей». Постепенно складывался внутренний строй картины. Весь свой народ Божий — монахов, нищих и схимниц Корин решил разместить в Успенском соборе Московского Кремля, где, по его собственным словам, «они на фоне величественной архитектуры выстроились в боевом и торжественном порядке». Выбор собора не случаен — это национальная святыня, здесь веками венчали на царство русских царей, хоронили московских святителей. Но… 8 июня 1936 года умер Максим Горький. Корин остался без покровительства. Можно было начинать травлю.

Уже 8 декабря 1936 года Сталину поступил донос, касающийся Павла Корина. Его автор — заместитель заведующего культурно-просветительским отделом ЦК ВКП(б) Алексей Ангаров (Зыков) в своем послании писал: «Корин утверждает, но весьма неуверенно, что вся эта коллекция мракобесов собрана им, чтобы показать их обреченность. Между тем никакого впечатления обреченности, судя по эскизам, он не создает. Наоборот, передает ненависть этих людей, по его замыслу, сильных, волевых, преисполненных готовности умереть за свои идеи».

Травлю поддержала пресса, художни-

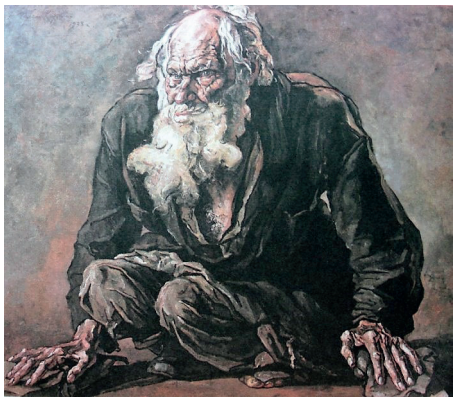
ка обвиняли, что он «сделал попов героями-мучениками». В те годы он держал дома мешок с вещами на случай ареста. К счастью, ареста не последовало, за художником даже сохранили прекрасный дом — мастерскую на Пироговской. Незадолго до смерти Горького этюды «Руси» были куплены у Корина «Всекохудожником» — Всероссийским союзом кооперативных товариществ работников изобразительного искусства. Теперь, опасаясь за судьбу своих работ, Корин решает их выкупить. Деньги за картины пришлось выплачивать в течение двадцати лет. «Продажа этюдов стала терзанием и ужасом моей жизни, — записывает Павел Дмитриевич у себя в книжке. — В дальнейшем, когда писал портреты, эскизы, пейзажи — все они шли за долги. Я превратился опять в реставратора и преподавателя рисования. Мне 45 лет».

В новой обстановке работать над картиной становилось все труднее и труднее.

«Нужно полное спокойствие нервов, а его нет. Я нашел сюжет в 1925 году. Ношусь с ним с тех пор и должен писать», — горько признавался Павел Дмитриевич в разговоре с В. М. Голицыным.

Со временем появлялись другие заботы, возникали срочные заказы. В 1942 году Корин получает заказ и создает триптих «Александр Невский», воспевающий мощь и непоколебимость русских воинов. В послевоенное время рисует портреты выдающихся советских деятелей культуры и военачальников — писателя Алексея Толстого, маршала Георгия Жукова, актера Василия Качалова. Корин вписывается в советское искусство, получает признание. Его избирают действительным членом Академии художеств СССР, присваивают звание народного художника СССР. В начале 1950-х Павел Корин много работал в монументальной живописи, создав ряд витражей и мозаик для Москвы, в частности, витражи на станции «Новослободская» и мозаичные плафоны для станции московского метро «Комсомольская» Кольцевой линии.

Все это время Корин стремился приступить к работе над своей большой картиной. Последний эскиз «Реквиема» датирован 1959 годом. «Мне трудно Вам объяснить, почему я писал это, но все-таки я скажу, что трагедия моих персонажей была моей бедой. Я не смотрел на них со стороны, я жил с ними, и сердце мое обливалось кровью», — напишет Корин в письме к В. М. Черкасскому.

П. Корин. Нищий. 1933 г

Из статьи Инны Волошиной

http://foma.ru/neprozvuchavshiy-rekviem-pavla-korina.html

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

КАЦХИ-СВЕТИ

Я был тут в прошлом году, в ноябре. Светило солнце, но было ветрено. Чувствовалось дыхание надвигающейся зимы. У

самого подножия величественного скального массива растягивали верёвки бойцы грузинского спецназа – горные стрелки. Все как один – молодые светловолосые ребята, плюс офицер – не на много старше своих подопечных. Завидев меня и моего грузинского гида, офицер поздоровался и спросил: православный ли священник и откуда? Да, мол, православный, из Литвы. А может ли в таком случае благословить солдат? Занятие предстоит небезопасное. «Конечно, могу», – с радостью отозвался я! Ребята, став полукругом, склонили головы и сложили ладони – как положено для принятия благословения. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа благословляю вас, чада! Божией помощи и крепости духа!». Я осенил ратников крестом, и они вежливо поклонились. «Спасибо, батюшка!» – дружно ответили по-русски. Удивительно, как здесь сохранилась эта связь – человек и Бог, внутренне возрадовался я. Вообще, здесь в Грузии отношение к Церкви и её служителям не то, чтобы уважительное, а, я бы сказал, трепетное. Грузинский патриарх – самый авторитетный человек в стране. За него и за Православную Церковь возглашают первый тост за любым грузинским столом. А священников ласково называют «мамао» (от грузинского «мама» – отец).

Здесь, у Кацхийского столпа, у самого его подножия, раскидал свои храмы и келии мужской монастырь св. Максима Исповедника. Братия монастыря монашеского звания на глаза паломникам стараются не попадаться. Общаются с приезжими только послушники, которые подносят к лавке у входа монастырский мёд и чётки – главные продукты производства немногочисленных насельников обители.

В Грузии нет двух похожих монастырей. Даже, если они стоят друг напротив друга. Единственное, что их всех роднит – это возвышенное расположение. В прямом смысле слова. Ближе к небу, ближе к солнцу, ближе к Богу. Человеку, чтобы подойти к монастырю, нужно потрудиться, совершить усилие, напрячься. То же и в отношениях с Господом Богом. Прямая аналогия. Без преодоления себя, без усилия над собой, без желания превозмочь свои немощи невозможно приблизиться ни к Богу, ни к людям.

Монастырь св. Максима Исповедника, что недалеко от города Чиатура, не стал исключением. Он на высокой горе. Но есть деталь, по которой сразу поймёшь, что ты в Кацхи. Это сам Кацхи (по-грузински – столп, палец) – пятидесятиметровый, отдельно стоящий каменный столб с небольшой ровной площадкой наверху. Каким-то чудом на этой площадке уместились два строения: маленький храм и келия. К вершине столпа ведёт металлическая лестница, кое-где идущая вплотную к скале, а где-то (из-за неровностей стены) отстающая от скалы метра на три. Оценить всю грандиозность места можно только со стороны, на подъезде к монастырскому комплексу. Тогда в объектив камеры можно захватить практически всю громаду столпа с церковью наверху, но без его основания, которое утопает в зелени девственных лесов.

В этот раз я здесь с группой паломников – слушателей воскресной школы для взрослых нашего храма. Сейчас июль, очень жарко. Мы, поднявшись к мона-

стырю, практически выбились из сил. Самых старших из нашей группы, во время подъёма, приходилось брать за руки и буквально тащить за собой вверх по крутому склону. Но усилия стоили того и, как водится, без награды не остались. Нам навстречу вышел сам основатель обители – отец Максим Кавтарадзе. Отец Максим подвизался на этом месте аж с 1995 года. Первое время монах жил в небольшом углублении в основании столпа, но с появлением первых учеников, хозяйство их стало расти. Стали появляться храмы и келии, как у подножия скалы, так и на её вершине. Был открыт небольшой музей обители, где среди прочего – каменная плита с древнегрузинскими письменами, найденная на вершине Кацхи. На плите – автограф монаха-отшельника XIV века преподобного Георгия, который наверняка уже не был первым в этих местах, ведь христианство в Грузии распространялось с IV века. Сейчас копия этой плиты, с той же надписью, но уже на современном грузинском языке, украшает стену одного из монастырских храмов. Нам очень повезло! Зная с прошлого года историю обители, я слышал, что с увеличением потока паломников и туристов, отец Максим оставил монастырь и ушёл в «затвор», вновь стал отшельником. С его уходом святейший патриарх Илия II запретил, кому бы то ни было, подниматься на скалу по отвесной лестнице. Случилось это в 2002 году. С тех пор никто, кроме «чередных» монахов (тех, кто по целой неделе, в одиночку, проводил наверху время в посте и молитвенных бдениях) там не бывал.

Напившись родниковой воды, мы переводим дух и беседуем со старцем: кто вы, откуда, как зовут? Узнав, что я Георгий, отец Максим указывает пальцем на вершину столпа: «Хочешь туда подняться?», и тут же утвердительно: «Тебе надо! Ведь там когда-то подвизался в подвиге твой тёзка – монах Георгий!».

Я, задрав голову вверх к вершине, на секунду заколебался. Если честно, на миг стало страшновато. Не за себя, нет. Вспомнил матушку, деток. Как они, если что, без меня? Но благословение старца успокоило и дало веру, что всё будет хорошо! Отец Максим, немного подумав, предложил: «Если хочешь, можешь взять с собой наверх ещё двоих – мужчин». Добровольцы нашлись сразу. Мужчины, постарше меня, Александр и Сергий, немного попрепиравшись с жёнами, сделали, что называется «два шага вперёд». Принесли верёвку для связки между собой моих спутников. «Ты, отче, пойдёшь один, без связки, – изрёк старец. – Тебе бояться нечего, ты – священник!». Послали за мальчиком-проводником, единственным кто здесь, кроме отца Максима, говорил по-русски. Георгий – мальчишка двенадцати лет, школьник из Тбилиси, гостил здесь у родственника – одного из насельников монастыря. Улыбчивый и радостный оттого, что может нам помочь, да ещё попрактиковаться в русской разговорной речи, Георгий тоже вселил уверенность в то, что наше рискованное предприятие закончится успехом. «Георгий – первый, затем батюшка, потом в связке Александр и Сергий», – скомандовал отец Максим. – По пути отдыхайте, давайте себе отдышаться, а на обратном пути пойдёте в обратном порядке: сначала – связка Сергий и Александр, затем отец Георгий, последним – мальчик». Всё понятно, перекрестились – Господи благослови нас! Пошли.

Что было на подъёме, описывать не буду. Вряд ли это можно описать словами. Да и, по истечении времени, впечатления притупились, потеряв первую остроту. Скажу только одно – непрестанно молился Иисусовой молитвой. В целом, (я потом спрашивал у тех, кто остался внизу) подъём наверх занял около 12 минут. Но мне это время показалось вечностью. И если во время подъёма время всё равно длилось, то наверху оно остановилось и перестало существовать. Я поднялся вслед за Георгием на площадку, огороженную невысокими металлическими перилами, перегнулся через край в ту сторону, где далеко внизу стояла, задрав головы, вся наша группа. «Уезжайте, мы остаёмся!» – пошутил я и стал поджидать своих спутников, которые ещё поднимались к вершине. Когда все уже оказались

наверху, Георгий начал отодвигать лист кровельного железа от дверного проёма, ведущего в маленькую церковь. Небольшое помещение с маленьким иконостасом, отделяющим алтарь от храма, было весьма светлым и уютным. Мы расцеловали все иконы, затеплили по восковой свече и пропели тропари великомученику Георгию Победоносцу, преподобным отцам Симеону Столпнику и Максиму Исповеднику. Святии мученицы и преподобнии отцы наши, молите Бога о нас! И сразу на душе стало ещё легче и светлее, чем было! Покинув церковь, мы осмотрели через единственное окошко здание келии и небольшой дворик с каменной купелью для сбора воды и низенькой скамейкой для отдыха во дворе. Во все стороны сверху открывался замечательный и захватывающий вид. Особенно в сторону долины, из которой мы поднялись к монастырю на машине. Всю эту долину, далеко внизу разрезала серебряная нить неширокой, но стремительной горной реки. Там, у её берегов виднелись крыши редких крестьянских домов, утопающих в зелени фиговых деревьев и хурмы.

Как бы ни было здесь хорошо, ничего не поделаешь, надо спускаться. Нас уже заждались внизу члены нашей небольшой, но очень дружной группы. Сделав наверху фото на память, спускаемся, как и советовал отец Максим, в обратном порядке. Сначала Сергий и Александр, затем – я, замыкает отрок Георгий. Спускаться было легче и психологически, и физически. Хотя была опасность расслабиться и, начав торопиться, поскользнуться на гладких и скользких металлических прутьях ступеней и полететь вниз. Приходилось себя останавливать, не давать торопиться ни себе, ни другим. Всё обошлось, слава Богу! И вот мы уже внизу. Нас заждались, изволновались не меньше нашего. К тому нас уже ждал в свои объятия другой монастырь и другие святые. Мы уезжаем, но очень хотим вернуться! Простите и благословите!

Священник Георгий Ананьев
Октябрь 2017 года

БЛАГОВѢСТНИКЪ

Редакция:
Телефон +370 655 33036
Эл. почта a.rubliovo@gmail.com
Эл. версия http://blagovestnik.lt/blagovestnik